

Интересное в мире книг

Аронсон О. Что остается от искусства / О. Аронсон, Е. Петровская. — М.: Ин-т проблем современного искусства, 2015. — 344 с. — ISBN 978-5-9906243-0-6. — (Труды ИПСИ; т. 2).

Сборником статей О. Аронсона и Е. Петровской Институт проблем современного искусства (ИПСИ) продолжает знакомить отечественную художественную общественность с исследованиями и новыми направлениями в философии XX в., сторонники которых обсуждают цели и смыслы эстетических практик. Сборник построен в форме лекций и диалогов и структурно продолжает предыдущий совместный труд этих авторов «По ту сторону воображения. Современная философия и современное искусство» (2009). В сборнике оригинально трактуются тексты Ф. Ницше, М. Хайдеггера, В. Беньямина, Ж.-Ф. Лиотара, которые вновь становятся релевантными на фоне фундаментальных изменений, происходящих в мире и в России. Авторы по-новому анализируют статью Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» и находят неожиданные параллели с положением современного художника, его гражданской позицией, когда художественный акт может быть проинтерпретирован как политический жест. Авторы ставят проблему трансформации соотношения политической и эстетической составляющих на примере проектов русского авангарда в различные периоды его истории. Безусловная ценность обсуждаемых тем состоит в том, что авторы помогают читателю сформировать способность самостоятельно интерпретировать актуальную художественную проблематику в контексте кризиса основ неолиберального капитализма.

Бикбов А. Т. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность / Александр Бикбов. — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 432 с. — ISBN 978-5-7598-1330-9. — (Социальная теория).

Книга Александра Бикбова — результат многолетних изысканий в области институциональных и смысловых структур (пост)советского

интеллектуального пространства. Как и в многочисленных предыдущих публикациях, теоретико-методологические установки автора находятся под определяющим влиянием концепции П. Бурдьё.

Книга состоит из методологического введения, трех основных разделов и написанного в свободной форме послесловия, посвященного проблематике академического расизма. Справедливо отмечая неоднородность советского и постсоветского интеллектуального опыта, автор осознанно воспроизводит эту неоднородность в структуре работы. Он последовательно переходит от перипетий истории понятия «средний класс» в промежутке от 1950-х до 2010-х гг. к истории обращения понятий «гуманизм», «личность», «наука», «прогресс» в советских условиях и, наконец, к еще более эзотеричной истории советской и постсоветской академической социологии.

По версии Бикбова, подход исторической социологии отличается от истории понятий, исторической семантики и истории идей тем, что основной интерес сосредоточен в области работы понятий, их непосредственного включения в социальные взаимодействия. Когда и как понятия приобретают силу, достаточную для изменения реальности, — таков исследовательский мотив книги.

Связи понятий прямо отождествляются с социальными позициями, соотношение которых в свою очередь замещает собой суждение. Мыслей как таковых здесь нет: только ставки в борьбе за власть над реальностью. Это означает отождествление понятий с «практическим смыслом» социальных взаимодействий в духе Бурдьё. Расстановка социальных сил («грамматика порядка») задает необходимое и достаточное условие мышления. Вера в силу понятий парадоксальным образом сочетается с убежденностью в совершенном бессилии мышления, не способного использовать понятия вне предписанных им ролей.

Наиболее интересен второй раздел книги Бикбова, посвященный анализу нескольких понятий, которые приобрели широкое распространение в СССР в период позднего социализма. Последовательно реконструируя судьбу терминов «гуманизм», «личность», «научно-технический прогресс», автор стремится показать их превращение в пустые слова, значение которым придают обстоятельства употребления. Рост значения

науки позволил представителям академических кругов обзавестись «личностью». В результате серии компромиссов за «личностью» закрепился статус своего рода привилегии научно-технической и творческой элиты, в обмен на лояльность, способствующую поддержанию советского режима. Однако спекулятивная игра на понятии «личность», по мнению автора, продолжилась и после распада СССР. Парадоксальным образом обуржуазившиеся круги бывшей советской элиты, приветствуя установление нового государственного порядка, отделили собственные «личности» от народа России и прямо отказались от какой-либо идентификации с интересами нации в целом. Именно поэтому эпоха беспрецедентного нарушения элементарных прав человека на безопасность, благополучие, здоровье, установившаяся в 1990-е гг., ретроспективно в глазах буржуазной интеллигентской элиты приобрела статус подлинно демократической. Именно в 1990-е гг. понятие «личность» превратилось в удобную ширму для определенного институционального расклада, нанесшего огромный ущерб благосостоянию страны и ее граждан. Этот ущерб оказался настолько велик, что вплоть до нашего времени граждане страны безразлично относятся к идее личного достоинства, несмотря на ее конституционный статус. Распад СССР не поколебал сложившуюся систему социальных взаимодействий. В частности, без заметных изменений пережили крушение советского режима центры силы академической социологии. Бикбов объясняет отсутствие заметных интеллектуальных прорывов в российской социально-гуманитарной науке после 1991 г. неприкосновенностью советских институтов и людей. Иначе говоря, заметной разницы между «советскими» и «постсоветскими» институтами с точки зрения свободы и интенсивности мышления нет: и те, и другие держатся лишь за слова.

Теоретическая новизна, нетривиальные исследовательские приемы, ясность изложения, безусловно, вызовут интерес к этой книге со стороны социологов и историков, социальных лингвистов и философов, а также критически мыслящих читателей.

Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука = *After Method: Mess in Social Science Research* / Джон Ло; пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой; науч. ред. перевода С. Гавриленко. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. — 352 с. — ISBN 978-5-93255-406-7.

Джон Ло — автор в российской социальной науке если не популярный, то известный. В русскоязычных работах принято сравнивать Ло с другими представителями акторно-сетевой теории (АСТ), например, Б. Латуром и М. Каллоном. Однако книгу «После метода» можно прочитать и вне контекста АСТ, рассматривая ее как вклад в современную дискуссию о природе научного метода в социальных науках. Структура издания отлична от того, что можно ожидать от работы по методологии социальных наук. Каждая глава посвящена отдельной проблеме, которая сопровождается примерами. На них демонстрируется сложность и конструируемость реальности, а также то, какие метафизические последствия может иметь признание комплексности мира.

Критической целью Джона Ло являются методы социальных наук, ориентированные на достижение ясности и точности. Ло критикует эту установку, показывая, что текучесть, множественность, гетерогенность и неопределенность — не результат эпистемологической ошибки, а качество самой реальности.

Одна из основных идей, против которой направлен пафос Ло, — это инструментализация разума. Современная наука, по мнению Ло, служит одним из самых ярких проводников этой идеи. При этом в книге мы не встречаем значительных теоретических аргументов, однако Ло использует другой способ убеждения и обращается к ряду примеров, которые проливают свет на социальные условия, порождаемые инструментальным отношением к действительности в науках. Его интересуют ситуации, в которых критиками выступают сами вещи: атеросклероз, водяной насос, система здравоохранения, разбивающиеся поезда, научная лаборатория, молитвенное собрание квакеров.

Ло утверждает, что есть хорошо работающие методы, адекватные задачам и анализируемым реалиям, но есть методы, которые упрощают сложное и «пробуксовывают» в исследовании того, что не поддается системности. Упрощения и систематизации ограничивают исследовательское воображение и возможности сбора материала для анализа. Идеи Ло, напротив, дают воображению новый импульс, помогают сохранять систематичность и рефлексивность, признавая право на существование разных образов мысли и жизни. С радикально консервативных позиций недопустимо уравнивать в правах материалы, вещество, оборудование, людей, которые им пользуются, и тексты, в которых они описывают процесс познания. Однако сам подход, как и АСТ, достоин дальнейшего обсуждения, так как несомненно обогатит познавательный арсенал и расширит панораму альтернативных эпистемологий.